

УДК 340.15

СПЕЦИФИКА ТРАНЗИТНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

THE SPECIFICS OF TRANSIT MIGRATION IN THE RUSSIAN BORDERLAND

©Черепанова М. И.,

д-р социол. наук,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Россия, Cher_67@mail.ru

©Cherepanova M.,

Dr. habil., Altai State University,
Barnaul, Russia, cher_67@mail.ru

©Горбунова А. Е.,

канд. социол. наук,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Россия, gorbunova@mail.ru

©Gorbunova A.,

Ph.D., Altai State University,
Barnaul, Russia, gorbunova@mail.ru

©Максимова С. Г.,

д-р социол. наук,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Россия, svetmaksivova@mail.ru

©Maksimova S.,

Dr. habil., Altai State University,
Barnaul, Russia, svetmaksivova@mail.ru

©Сарыглар С. А.,

Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Россия, syldysma93@mail.ru

©Saryglar S.,

Altai state university,
Barnaul, Russia syldysma93@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу субъективных оценок населения приграничных регионов российского общества в контексте отношения к мигрантам, включенных в этнические диаспоры. Делается вывод о том, что формирование латентного конфликтогенного потенциала, связанного с межэтнической напряженностью обусловлено скорее ситуативным, бытовым и инструментальным характером и не связано с идеологией.

Недостаточный позитивный потенциал отношения к мигрантам является индикатором региональной социальной напряженности в целом, низкой адаптированности титульного населения. Снижает социальную мобильность и свидетельствует о недооценке позитивных аспектов миграционных процессов в России.

Наиболее дифференцирующими в контексте отношения к диаспорам являются факторы, связанные с особенностями этнического самосознания. Определяются спецификой

социально-экономического развития региона. В большей степени формируются за счет повседневных социальных практик населения в межэтнических отношениях. Формируют оценку эффективности этнокультурной политики в регионах российского приграничья.

Abstract. The article is devoted to analysis of the subjective assessments of the population of border regions of the Russian society in the context of attitudes towards migrants included in the ethnic Diaspora. It is concluded that the formation of a latent conflict potential associated with the ethnic tensions caused rather situational, consumer, and instrumental in nature and not related to ideology. Lack of positive attitude towards migrants is an indicator of regional social tensions in General, low adaptation of the titular population. Reduces social mobility and demonstrates the underestimation of the positive aspects of migration processes in Russia. The most differentiating in the context of the relationship to the Diaspora are the factors associated with the peculiarities of ethnic identity. Are determined by the specificity of socio-economic development of the region. In a greater degree formed at the expense of the everyday social practices of the population in ethnic relations.

Ключевые слова: миграция, транзит, диаспора, миграционная безопасность, миграционная политика.

Keywords: migration, transit, diaspora, migration security, migration policy.

Введение

В настоящее время Россия, для которой характерен демографический кризис, рассматривает миграцию, как один из возможных вариантов регуляции численности регионов. Проблемы транзитной миграции значительно усилились для современной российской действительности, так как растет ее востребованность для мигрантов стран Азии и Африки по пути движения в страны Западной Европы. Кроме того, значительно растут маиграционные потоки в Россию их стран ближнего зарубежья, особенно из Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и других стран.

Основными факторами, обуславливающими миграционный процесс, являются: географическое положение России, включая, протяженные сухопутные границы с Европой, прозрачность границ, отсутствие или слабо развитость институциональных социальных рычагов для контроля данного процесса, наличие обширных этнических сообществ, диаспор сложившихся здесь ранее мигрантов.

Одной из проблем транзитной миграции для России, является рост теневой экономики, предприятий, где трудоустраиваются мигранты довольно на длительный срок. По некоторым статистическим данным в России, теневая экономика достигает 25% ВВП, а незаконная трудовая занятость от 15% до 30% всего трудоспособного населения страны [3].

С другой стороны, Россия становится барьером для транзитных мигрантов при проникновении на Запад, что обусловлено ассиметричностью реальных границ и сложностью проникновения в страны ЕС. Таким образом, Россия потенциально и реально становится длительным местом проживания многочисленных мигрантов, формируя новые социальные группы. Данные когорты, рискуют пополнить ряды криминальных группировок разного толка, не всегда однозначно стремятся интегрироваться в новые социокультурные условия, и таким образом, формируют очаги потенциальной социальной напряженности.

Явление транзитной миграции может провоцировать социальную напряженность в контексте национальной безопасности страны и требует постоянного мониторинга данного

явления в контексте его возможной оптимизации и минимизации рисков национальных угроз.

Обзор

Современные международные исследования в области миграции и национальных диаспор имеют мульти дисциплинарный характер, так как направлены на исследование экономических, демографических, политических, социальных и др. актуальных аспектов.

Все возрастающие интересы и дебаты в данной области связаны с тем, что согласно официальным данным Международной организации по миграции, в настоящее время, число международных мигрантов составило около трех процентов населения мира. Прогнозируется, что к 2050 г. численность мигрантов достигнет около 400 млн. человек.

Позитивный социальный смысл миграции заключается в концентрации рабочей силы в местах наивысшего развития ресурсов и производительных сил. Миграционные процессы сопутствуют удовлетворению потребностей населения в работе, месте жительства, получении новых статусов, других значимых компонентов жизнедеятельности широких масс населения.

Современные экономические исследования миграции выделяют стимуляцию миграции за счет наличия дифференцированной заработной платы за один и тот же труд в разных странах мира.

При этом, вынужденная миграция, нередко используется как социальный контроль в странах с авторитарным режимом. Тогда как добровольная миграция направлена на социальную адаптацию и способствует росту урбанизации.

Обзор литературы по теме, позволяет выделить следующие тенденции в существующей в настоящее время международной миграции:

- Рост нелегальной миграции, обусловленной проблемами занятости, усиливающейся в ситуации финансовых кризисов;
- Увеличение вынужденной миграции из стран Африки в связи с распространением военных конфликтов, межнациональных проблем;
- Актуализация миграционных процессов для решения демографических проблем в России и развитых странах Европы;
- Глобализация процессов с дифференциацией и определенной локализацией территорий эмиграции и иммиграции;
- Противоречивость и разнонаправленность миграционной политики государств между ужесточением и регламентацией данного процесса и стремлением к интеграционным процессам с мигрантами, с другой стороны.

Сопутствующим явлением миграции является процесс этногенеза. При этом культура закрепляет созидательный механизм миграции, способствуя интеграции мигрантов и взаимообогащению культур. Постмодернистские исследования современности акцентируют научный дискурс о том, что данные процессы являются значимыми механизмами преодоления социальной энтропии. Интенсивное развитие культуры коррелирует с ростом ассимиляции мигрантов [2].

Миграционные процессы нередко сопровождаются ксенофобными настроениями, причем в тех регионах мира, где культурное развитие имеет консервативный характер. Миграционные процессы усиливаются, сопровождаются интенсивными процессами этногенеза и, таким образом, формируется основа для ксенофобии. В данном случае ксенофобия является не всегда осознанными комплексами, архаическими моделями-

регуляторами развития социума. Идеологизация подобных инстинктивных проявлений усиливается там, где отсутствует или мало развита социальная рефлексия [1].

Культурный процесс способен усиливать осознание подобных архаичных комплексов и переводить их в латентную форму, увеличивая цивилизованный ответ на данный вызов.

Миграционные процессы в контексте социальной безопасности рассматривают не только в условиях развития межнациональных взаимоотношений, но зачастую используют как индикатор социально-экономической напряженности региона. Специфика восприятия другого может отражать социальную иерархию, мобильность, выявляя, таким образом, конфликтогенные условия и факторы в социальных отношениях общества.

Региональная специфика миграционных процессов и отношение к ним характеризует состояние общества в целом, его базовые ценности, поведенческие стереотипы в отношении к любому «другому». С другой стороны, субъективный уровень негативного отношения к иноэтническим мигрантам не всегда может отражать реальное положение дел.

В российской социологии накоплен определенный научный потенциал, изучены условия и факторы, социально-экономические и демографические последствия миграционных процессов. Констатируется вывод о том, что миграционные потоки, их объем структура и состав способны качественно менять все базовые области социально-экономической жизни страны [1].

Современные российские исследователи, полагают, что в последнее десятилетие произошла значительная трансформация статуса институтов миграции в сторону оптимизации условий для легальной миграции, а также минимизации угроз национальной опасности в экономике и других сферах жизнедеятельности российского общества [1].

В современной научной мысли, усилился дискурс исследования иммиграционной безопасности, которая является базовым компонентом национальной безопасности. Иммиграционная безопасность представляет собой результирующий баланс между системами контроля жизненно важных компонентов населения и государства при минимальном уровне угроз, связанных с ростом численности мигрантов, который бы не превышал допустимый уровень социальной напряженности, не менял значительно сложившийся в обществе социальный гомеостаз. Следовательно, важно выявить научно-обоснованный баланс между потенциальными угрозами экономической безопасности страны, например ростом теневой экономики, криминализацией, оттоком финансовых средств из страны и позитивным потенциалом иммиграции, стимулирующим позитивные последствия для экономики принимающей страны. Например, решение проблемы дефицита квалифицированных кадров, рост макроэкономических показателей, например ВВП и пр. [4-7].

Тем не менее, подобный подход не позволяет учитывать сложно прогнозируемые субъективные последствия, которые способны провоцировать социальную безопасность, национальные конфликты и другие негативные последствия, в частности сопутствующие транзитной миграции.

Неотъемлемым аспектом миграционных процессов является научная проблематика диаспор, определяющих специфику этно национального и конфессионального состава населения большинства стран мира.

Современные трактовки диаспор включают разнообразные грани данного явления, включая социокультурные, политические, национальные, демографические, социально-экономические и пр.

По мнению Х. Тотоляна, семантический диапазон понятия «диаспора» включает в себя целую группу сопутствующих понятий, таких как иммигрант, беженец, экспатриант, депортированное сообщество и даже этническое общество [9].

У. Коннор определяет диаспору как «сегмент населения, живущий за пределами родины» [10].

Сущностными признаками диаспоры являются: рассеивание из единой территории в периферийные центры, иностранные регионы; вынужденность покидания страны первоначального проживания; концентрация на коллективной памяти о родине; усиление чувства коллективной идентичности в чужеродной стране; наличие мифа о возвращении; наличие помощи и ответственности за судьбу покинутой Родины и пр.

Существенным признаком диаспоры является ее институционализация, наличие социальных институтов, способствующих функционированию и закреплению этнической идентичности членов диаспоры.

Страна исхода, историческая родина это объективная категория для диаспоры, выполняющая роль объединения, концентрирующего этническое самосознание представителей диаспоры.

Другим важным компонентом диаспоры является формирование стратегических отношений с государством проживания и исторической родиной с помощью формирования особых социальных институтов, формирующих имидж диаспоры.

Современные социологи акцентируют дуальность положения диаспор, включая специфику их отношения к принимающей стороне, а также исторической родине [11]. Подобная двойственность определяет внутреннюю деятельность диаспоры, влияет на ее внутренние сущностные функции.

Выделяется три аспекта данной проблематики:

Во-первых, акцентируется необходимость целенаправленной деятельности западного сообщества по развитию диаспор;

Во-вторых, диаспоры рассматриваются, как этнические сообщества, укрепляющие национальную идентичность мигрантов;

В-третьих, миграция рассматривается как двойная траектория [11].

Динамика научного дискурса социальной интеграции диаспор развивалась от пессимистичных взглядов на проблему миграции с 50 годов 20 века, к оптимистичным, которые стали преобладать с 2000 годов [12].

В настоящее время очевидным и признанным преимуществом миграции и существования диаспор, является идея о том, что финансовые вложения и другие ресурсы мигрантов осуществляют значительный вклад в потенциальное и реальное развитие страны своего происхождения, таким образом, стимулируя ее социальное развитие [12]. Таким образом, сформировался взгляд на диаспоры, как на новые агенты социального развития. В настоящее время усиливается позитивный акцент развивающего потенциала миграционных процессов.

Например, согласно отчету Всемирного банка в 2003 г., денежные переводы мигрантов в страны происхождения превысили все другие виды официальной помощи данным странам [13, с. 104]. В настоящее время официальные власти стран миграционного оттока, а также неправительственные организации разного уровня пытаются регулировать запланированные потоки финансовых, человеческих и социальных капиталов [13].

Несколько европейских стран сформулировали программные документы, подчеркивающие важность включения мигрантов в международное сотрудничество в целях развития. Были разработаны специальные программы и схемы по упрощению технологии данного процесса.

В западной научной мысли в настоящее время, присутствуют сходные сущностные аспекты исследования диаспор, как и в российской социологии, а именно: диаспоры определяются как межнациональные сообщества определенного вида, имеющие развитые национальные мифы, усиливающие самосознание этнической группы. Кроме того, диаспоры включают длительно формирующие социальные сети, основанные на специфичных общественных отношениях и сходных ожиданиях относительно своего возвращения на родину [14–15].

С точки зрения некоторых западных ученых, диаспоры включают межнациональные этнические сообщества, сформированные трудовыми мигрантами, поддерживающие прочные связи с их родной страной [16].

Однако, критический научный дискурс утверждает, что не столько важен дескриптивный и аналитический аспект категория диаспоры, как ее социальный смысл и контекст [16].

Другое критическое замечание заключается в том, что те мигранты, которые считаются частью диаспоры, могут, как осуществлять свое взаимодействие с диаспорой, так и находится вне ее группы [17].

Вместе с тем, сущность диаспоры в контексте социальной мобилизации, еще изучена не достаточно. В настоящее время в научной литературе представлены некоторые работы, посвященные данной проблематике [17]. Однако попытки западной общественной мысли осуществить разработки по мобилизации диаспор все еще не достаточны.

Интересным представляется исследование [11], проведенное во Франции, Финляндии, Германии, Италии, Нидерландах, Норвегии и Соединенном Королевстве по изучению локальных и наднациональных сущностных особенностей функционирования диаспор. Важный аспект исследования выявил специфику политики неправительственных и межправительственных международных организаций в отношении к диаспорам.

Несмотря на дифференцированные различия по странам в отношении к диаспорам, были выявлены общие тенденции, характеризующие надситуативность интеграционных процессов. Например, это касается специфического восприятия диаспоры, ее национального компонента. Существует много неформальных связующих обязательств между мигрантами и местом их первоначального базирования, родины их предков.

Мигранты устанавливают прямые и монополярные отношения между местом источника и местом назначения.

Этническая принадлежность мигрантов и их детей тесно связана с местом, из которого они (или их родители) произошли. При этом, реализуется эссенциалистский подход об укорененности отношений между социальными субъектами и территорией. Суть данной концепции заключается в наличии некой глубинной скрытой реальности, смысл которой для нас не является очевидным и ясным [19].

Сущность данного подхода заключается в том, что мигранты устанавливают прямые и специфические отношения между местом происхождения и местом назначения. Данный феномен был назван учеными «двойной подвижностью» [11].

Связи мигрантов с их странами происхождения, однако, могут быть очень разнообразными и достаточно сложными. Стереотипные предубеждения о принадлежности и идентификации могут сформировать проблематичные ожидания и обязательства в отношении диаспоры, таким образом, ограничить потенциал диаспоры.

Далее авторы описывают решения проблем диаспор в европейской политике и практике, которые в узком смысле связаны с организацией официальной помощи развивающимся странам.

Проблематика миграции активно развивалась в Европейском союзе с начала 2000-х и был на повестке дня во многих европейских странах в течение многих десятилетий. Широкий спектр документов был подготовлен по миграции, причем с увеличивающимся упоминанием в них роли диаспор. В нескольких Документах Европейской комиссии, диаспоры представлены как новые «факторы развития» [17].

Например, Европейская комиссия в 2005 г. признает значимый организационный потенциал диаспор и призывает к более активному и добровольному участию членов диаспоры в развитии стран их происхождения.

Таким образом, в европейской научной мысли растет признание диаспоры и ее роли в экономическом и политическом сотрудничестве между странами проживания и происхождения. Официальная помощь развивающимся странам, из которых чаще всего прибывают мигранты, рассматривается в более широком смысле как социальные преобразования. Вместе с тем, некоторые сомнения обусловлены наличием специфического этнического, культурного или религиозного фона, которые необходимо учитывать. Указанные факторы связаны с эмоциональным компонентом и представляются сложными для прогнозирования и управления.

Тем не менее, важно вовлекать людей в альтруистическую помощь другим в стране происхождения, в не зависимости от их политических взглядов.

Кроме того, мигранты мотивируются к получению новых более высоких статусов, которые позволяет им формировать новые программы, направленные на регуляцию межнациональных сетей мигрантов [12].

Обширный анализ научной литературы по транзитной миграции, показывает, что мигранты развивают мультинаправленные, а не двойные траектории передвижения [17].

Синатти, Хорст в свое статье приводят доводы в пользу переосмысления процессов социальных изменений, которые соединены с человеческой мобильностью через диапазон дифференцированных социопространственных уровней. При этом, диаспорам принадлежи важная роль в данной мобилизации [11].

Практическая часть

В данной статье представлен фрагмент анализа результатов, связанных с проблемой миграции, отношением к диаспорам, полученных в социологическом исследовании по теме «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция», проведенного научным коллективом исследователей социологического факультета Алтайского государственного университета под руководством профессора С. Г. Максимовой.

Исследование реализовано в приграничных регионах России, а именно в Алтайском, Забайкальском краях, Кемеровской, Омской, Оренбургской, Амурской, Еврейской автономной областях, республике Алтай. В каждом из восьми регионов, выборка составила в среднем около 500 человек. Общая численность респондентов составила 3960 членов домохозяйств.

Отношение к представителям диаспор: между лояльностью и неприятием.

Специфика отношения жителей российского приграничья к ограничению потоков трудовой миграции имеет не значительную региональную дифференциацию (χ^2 , $p \leq 0,001$).

Наименее толерантное отношение к мигрантам выражено в Омской области, где каждый второй житель предлагает ограничить приезд мигрантов. Наиболее доброжелательно в отношении иноэтничных приезжих настроено население р. Алтай. С другой стороны, чуть менее половины жителей приграничья считают неэффективным ограничивать приток возможного трудового потенциала. Вместе с тем, пятая часть жителей всех регионов

акцентирует незаинтересованность данной проблематикой, направлена на решение более острых социально-значимых проблем.

Национальность транзитных мигрантов является важным дифференцирующим признаком, определяющим масштабы негативного восприятия. Например, рейтинг неприятия возглавляют представители Кавказской диаспоры. Так треть всех жителей приграничья констатирует необходимость ограничения их приезда в свои регионы.

Жители Забайкалья, Амурской области, в первую очередь констатируют не достаточно лояльное отношение к китайским мигрантам.

Вместе с тем, каждый десятый житель всех исследуемых территорий негативно относится к выходцам из Средней Азии.

Подчеркивают значимость ограничения приезда в регион мигрантов всех других наций, кроме русских пятая часть населения Омской области, Амурского края, каждый десятый житель Алтайского, Забайкальского краев, Кемеровской области. Наиболее толерантно и доброжелательно относятся к возможности приезда иноэтничных наций в республике Алтай, Оренбургской, Еврейской автономной областях.

Исследование эмоционального компонента поведенческих установок выявило наличие некоторой напряженности в межнациональных отношениях, практически каждый десятый житель приграничья испытывает неприятие к представителям иноэтничных диаспор, в конфессиональных взаимоотношениях, также, присутствует не значительный, но все же конфликтогенный потенциал.

Вместе с тем, неприятие приезжих не имеет идеологической подоплеки, а скорее выражается как инструментальный индикатор внутренней региональной напряженности, недостаточной социальной адаптации местного населения, наличия дезадаптивных стратегий выживания в той или иной территории. Полученные данные согласуются с результатами других российских исследований. Неприятие «инородцев» зачастую имеет чисто поведенческие корни: сталкиваясь со слишком активным, экспрессивным культурным типом, обыватель испытывает растерянность, не знает, как реагировать, раздражается и развивает упреждающую (иногда встречную) агрессию. В целом миграция воспринимается большей частью российского общества как явление скорее вредное и опасное, нежели сулящее какие-либо выгоды России: соотношение положительных и отрицательных отзывов здесь составляет 15:85 [1].

Социальный портрет представителей титульного населения с низкой лояльностью к мигрантам

Минимальную толерантность к мигрантам проявляют в большей степени мужчины, в первую очередь молодого возраста от 18 до 30 лет, констатирующие наличие у них материальных затруднений. Вместе с тем, выраженную антипатию к мигрантам также испытывают когорты населения, имеющие высокий уровень достатка.

Примечательно, что жители, имеющие средний материальный достаток наиболее терпимы к категории приезжих. Профессиональный статус жителей регионов также оказался связанным с особенностями отношений к иммигрантам. Так, наиболее враждебно относятся к возможности приезда иноэтничного населения на постоянное место жительства, работу, специалисты со средним специальным образованием, а также пенсионеры. Выявлена тенденция, связанная с тем, что повышение уровня образования связана с ростом лояльного отношения к иммигрантам, желанием их легализовать и ассимилировать в принимающие территории. Благополучие в семейном статусе также благотворно влияет на доброжелательное отношение к мигрантам. Семейные респонденты, в большей степени, чем, разведенные, а также находящиеся в гражданском браке, вдовцы настроены к приезжим

терпимо и доброжелательно. Наиболее лояльны к приезжим иммигрантам верующие респонденты, по сравнению с атеистами, никогда не посещающими церковь.

Модель бинарной логистической регрессии факторов толерантности населения приграничных территорий РФ к членам этнических диаспор

В целях определения социальных детерминант, оказывающих наибольшее и решающее влияние на формирование толерантного отношения к мигрантам в общей выборке по всем регионам, был проведен регрессионный анализ статистических данных, характеризующих особенности социально-экономической жизни населения, особенности формирования социальных установок в межэтнической сфере.

В качестве зависимой переменной был определен показатель – уровень толерантности к мигрантам, включающий позитивный полюс (желание легализовать и ассимилировать мигрантов) и отрицательный полюс (установка на выдворение мигрантов за пределы России).

В качестве независимых переменных, установлены следующие факторы: особенности этнического самосознания; проявления повседневных социальных практик населения в межэтнических отношениях; оценка эффективности этнокультурной политики; социально-экономические; социально-демографические показатели межэтнической конфликтности.

Регрессионный анализ включил анализ статистических показателей, таких как R-(R-квадрат Кокса и Снелла)-коэффициент разницы в распространенности; В-коэффициент взаимовлияния переменных; р-уровень значимости.

Согласно данным полученной модели, толерантное отношение к мигрантам, представителям диаспор в регионах российского общества, может быть обусловлено особенностями этнического самосознания, а именно высокой степенью отождествления себя со своей этнической группой, наличием позитивного эмоционального компонента, осознания своей сопричастности к своему народу, вызывающим интенсивное чувство гордости.

Однако, наиболее сильным и статистически выраженным, в контексте формирования народного единства, имеет такой фактор, как соблюдение нравственных правил религии в повседневной жизни, которые независимо, от конфессиональной принадлежности, этнической выраженности, содержат общечеловеческие позитивные ценности, направленные на помощь ближнему, толерантное отношение, согласие и дружелюбие к другим иноэтничным гражданам.

Социально-экономическое благополучие, а именно ощущение уверенности, стабильности в материальном и моральном плане создает оптимальные социальные условия, является социальным фоном, благоприятным для реализации межэтнического согласия. Очевидна, обратная закономерность, заключающаяся в обострении межнациональных отношений, негативного отношения к мигрантам с ростом социально-экономической нестабильности, распространении бедности, нищеты, увеличении материальной дифференциации в исследуемых регионах.

Наибольшая роль в стимулировании межэтнического согласия принадлежит обыденным социальным практикам населения, реализующаяся в формировании позитивных установок в отношении иноэтнического населения. Выявлено наибольшее количество факторов интеграции, принадлежащих именно к данному классу явлений.

Высокий рейтинг и значимость фактора «люди стараются помогать друг другу» способствует формированию позитивного межэтнического коммуникативного пространства. Интеграция представителей разных национальностей, уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей является индикаторами позитивных социальных установок населения, направленных на преодоление межэтнических разногласий.

Таблица.

РЕГРЕССИОННАЯ МОДЕЛЬ

Переменная	Регрессионный анализ		
	R	B	p
<i>Особенности этнического самосознания</i>			
Высокий уровень этнической идентичности	0,054	0,130	0,088
Позитивные эмоции (гордость за свою этническую принадлежность)	0,054	0,152	0,045
Соблюдение нравственных правил религии в повседневной жизни	0,054	0,243	0,000
<i>Социально-экономические факторы</i>			
Чувство уверенности и стабильности в экономическом и моральном плане	0,054	0,227	0,025
<i>Повседневные социальные практики населения в межэтнических отношениях</i>			
Помощь друг другу вне зависимости от национальной принадлежности	0,054	0,658	0,001
Высокий уровень интеграции между представителями разных национальностей	0,182	0,136	0,0001
Высокий уровень уважения к обычаям, традициям и языку иных национальностей	0,182	0,073	0,079
Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	0,182	0,054	0,078
Осуждение проявления национализма	0,182	0,036	0,195
<i>Эффективность этнокультурной политики</i>			
Эффективность исполнительной власти в реализации контроля соблюдения законов в сфере государственной национальной политики	0,182	0,110	0,003
Эффективность исполнительной власти в развитии культуры и традиций представителей разных национальностей	0,182	0,079	0,108
Наличие эффективной системы управления государственной национальной политики в регионе	0,182	0,071	0,128
Органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей, независимо от национальности и вероисповедания	0,182	0,066	0,040

Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности, справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей формируют благоприятные социальные условия для развития межэтнического единства. Осуждение проявления национализма, экстремизма имеет регулирующую функцию, имеет тенденцию усиливать позитивные взаимодействия между людьми разных национальностей.

Выраженную значимость для роста межэтнического сотрудничества имеет эффективная региональная и общероссийская этнокультурная политика.

Наиболее значимыми, являются следующие базовые направления реализации национальной политики: контроль исполнительной власти за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики; реализация исполнительными органами власти процессов развития культуры и традиций представителей разных национальностей; бескомпромиссность, реальное, отстаивание интересов всех жителей, независимо от национальности и вероисповедания. Рост эффективности данных направлений политического управления, высокая оценка значимости данных мероприятий населением

регионов будет способствовать усилению межэтнической интеграции кроме того будет препятствовать тенденциям роста национализма, ксенофобии, экстремизма и других негативных явлений в области межэтнических коммуникаций с иноэтничными диаспорами. Безусловно, максимальная роль в формировании народного единства, по мнению населения всех исследуемых регионов, принадлежит наличию сформированной эффективной системы управления реализацией государственной национальной политики в регионах.

Таковы базовые условия формирования и оптимизации межэтнической интеграции, как базовой основы эффективной миграционной политики в приграничных территориях Российской Федерации.

Заключение

Эффективная этно-национальная политика должна не только учитывать, корректировать миграционные потоки, но и формировать социальные условия для межэтнического согласия, так как неэффективные управленческие решения в данном контексте, становятся дополнительным источником социальной напряженности в регионах, подрывают возможность этнической и национальной интеграции современного российского общества.

Отсутствие научно обоснованной системы регулирования миграционных потоков, специфичной для каждого региона, может стимулировать антииммиграционные настроения и обострять межэтническую нетерпимость, провоцируя рост межэтнических конфликтов. Все это требует повышения эффективности и обоснованности реализации государственных задач по миграционной политике, совершенствованию деятельности Правительственной комиссии и Федеральных миграционных служб.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» №28.2757.2017/4.6 (2017-2019)

Список литературы:

1. Баранов Н. Миграция, диаспоры и проблемы этнических меньшинств: Режим доступа: <https://goo.gl/oZnYKz> (дата обращения 9.11.2017)
2. Гринблат Ж. А. Иммиграционные сценарии для стареющей Европы // Отечественные записки. 2004. Режим доступа: <https://goo.gl/iFUyW> (дата обращения 9.11.2017)
3. Трофимова Т. И. Феномен транзитной миграции // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. №5. С. 18-28.
4. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. С. 48-53.
5. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Многообразие этнической идентичности в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. С. 266-270.
6. Черепанова М. И. Гражданская идентичность населения Алтайского края: точки интеграции и дестабилизации // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции. Барнаул: Концепт, 2015. С. 32-36.

7. Черепанова М. И., Сарыглар С. А. Социальный потенциал межнациональной напряженности населения Алтайского края // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Ломоносовские чтения на Алтае-2015». С. 3348-3349.
8. Horst C. The depoliticization of diasporas from the Horn of Africa: From refugees to transnational aid workers // *African Studies*. 2013. V. 72. P. 228-245.
9. Тотолян Х. Диаспора как актор международных отношений в XXI веке на примере Армянской диаспоры. 2015. <https://goo.gl/hmdnzJ>.
10. Connor W. *Ethnonationalism: A quest for understanding*. Princeton, 1994. 226 p.
11. Sinatti G., Horst C. Migrants as agents of development: Diaspora engagement discourse and practice in Europe // *Ethnicities*. 2015. V. 15. №1. P. 134-152.
12. De Haas H. Migration and development: A theoretical perspective // *International Migration Review*. 2010. V. 44. 227-264.
13. Raghuram P. Which migration, what development? Unsettling the edifice of migration and development // *Population, Space and Place*. 2009. V. 15. P. 103-117.
14. Clifford J. Diasporas // *Cultural Anthropology*. 2014. V. 9. P. 302-338.
15. Safran W. Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return // *Diaspora*. 1991. №1. P. 83-99.
16. Brubaker R. The 'diaspora' diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. V. 28. P. 1-19.
17. Kleist N. In the name of diaspora: Between struggles for recognition and political aspirations // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2008. V. 34. P. 1127-1143.
18. Ragazzi F. Governing diasporas // *International Political Sociology*. 2009. №3. P. 378-397.
19. Blum P. *How Pleasure Works: The New Science of Why We Like What We like*. 2014.

References:

1. Baranov, N. Migration, Diaspora and Ethnic Minorities. Available at: <https://goo.gl/oZnYKz>, accessed 9.11.2017. (in Russian)
2. Grinblat, Zh. A. (2004). Immigration scenarios for an aging Europe. *Otechestvennye zapiski*, Available at: <https://goo.gl/iFUyrW>, accessed 9.11.2017. (in Russian)
3. Trofimova, T. I. (2010). Phenomenon of transit migration. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, (5), 18-28. (in Russian)
4. Cherepanova, M. I., Nevayeva, D. A., & Shcheglova, D. K. (2015). Theoretical approaches to the analysis of the ontological nature of ethnicity. *Sociology in the modern world: science, education, creativity*, 48-53. (in Russian)
5. Cherepanova, M. I., Nevayeva, D. A., & Shcheglova, D. K. (2015). The diversity of ethnic identity in modern society. *Sociology in the modern world: science, education, creativity*, P. 266-270. (in Russian)
6. Cherepanova, M. I. (2015). Civil Identity of the Altai Territory Population: Points of Integration and Destabilization. *Civil Identity, Social Integration and Development of Ethnic Cultures in Eurasian Space: A Compilation of Materials of the International Scientific Conference. Barnaul, Concept*32-36. (in Russian)
7. Cherepanova, M. I., & Saryglar, S. A. Social potential of interethnic tension of the population of the Altai Territory. *Collected materials of the international scientific-practical conference. "Lomonosov Readings in the Altai-2015"*, 3348-3349. (in Russian)
8. Horst, C. (2013). The depoliticization of diasporas from the Horn of Africa: From refugees to transnational aid workers. *African Studies*, 72, 228-245
9. Totolyan, H. (2015). The Diaspora as an Actor of International Relations in the 21st Century on the Example of the Armenian Diaspora. <https://goo.gl/hmdnzJ>

10. Connor, W. (1994). *Ethnonationalism: A quest for understanding*. Princeton, 226
11. Sinatti, G., & Horst, C. (2015). Migrants as agents of development: Diaspora engagement discourse and practice in Europe. *Ethnicities*, 15, (1), 134-152
12. De Haas H. (2010). Migration and development: A theoretical perspective. *International Migration Review*, 44, 227-264
13. Raghuram, P. (2009). Which migration, what development? Unsettling the edifice of migration and development. *Population, Space and Place*, 15, 103-117
14. Clifford, J. (2014). Diasporas. *Cultural Anthropology*, 9, 302-338
15. Safran, W. (1991). Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return. *Diaspora*, (1), 83-99
16. Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28, 1-19
17. Kleist, N. (2008). In the name of diaspora: Between struggles for recognition and political aspirations. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 34, 1127-1143
18. Ragazzi, F. (2009). Governing diasporas. *International Political Sociology*, 3, 378-397
19. Blum, P. (2014). How Pleasure Works: The New Science of Why We Like What We like

Работа поступила
в редакцию 22.11.2017 г.

Принята к публикации
26.11.2017 г.

Ссылка для цитирования:

Черепанова М. И., Горбунова А. Е., Максимова С. Г., Сарыглар С. А. Специфика транзитной миграции в российском приграничье // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2018. Т. 4. №1. С. 308-320. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/cherpanova-gorbunova> (дата обращения 15.01.2018).

Cite as (APA):

Cherepanova, M., Gorbunova, A., Maksimova, S., & Saryglar, S. (2018). The specifics of transit migration in the Russian borderland. *Bulletin of Science and Practice*, 4, (1), 308-320